Лагодзинский В.В. ©
Соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ МИХАИЛА ДРАГОМАНОВА В СФЕРЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Аннотация

В статье рассматриваются малоизученные вопросы деятельности М. Драгоманова как историка, исследователя античной греко-римской цивилизации. Делается вывод, что истоки антиковедческих занятий следует искать в гимназическом прошлом Драгоманова. Детство и отрочество будущего историка прошли под знаком интенсивного чтения Гомера, классических авторов, специальных трудов европейских ученых, исторических романов и античных мифов. Необходимой составляющей обучения в Полтавской гимназии была и латынь, которую Драгоманов изучал под руководством К. Полевича. Важным фактором в пробуждении интереса к античной истории была и общая гуманитарная атмосфера в тогдашнем обществе, классическая составляющая гимназического образования.

Ключевые слова: М. Драгоманов, К. Полевич, А. Стронин, античность, антиковедение, классические студии, гимназическое образование.

Keywords*:* M. Drahomanov, K. Polevich, A. Stronin, Ancient, antiquity studies, classic studies, gymnasium education.

Михаил Петрович Драгоманов известен в исторической науке прежде всего как фольклорист и литературовед, основоположник украинского социализма, конституционалист, выразитель идей федерализма и даже космополитизма. Украиноведческие работы и общественно-политическая деятельность Драгоманова настолько значимы, что в их тени остается, как правило, его деятельность преподавательская – в университете Св. Владимира, где он занимался, глинным образом, античной, греко-римской историей.

Вместе с тем, основательность антиковедческих студий Драгоманова, тот факт, что они приходятся на начальный этап его научной деятельности – все это позволяет говорить о значительном влиянии, которое изучение античности оказало на определение мировоззренческих ориентиров молодого ученого, его кругозора. «Внешние условия жизни, – как очень точно заметил Б. Кистяковский в своем предисловии к политическим произведениям Драгоманова, – заставили его стать в положение политического агитатора. Но агитатором в точном смысле слова он никогда не был. Даже в чисто агитационные издания свои он вносил свою обширную научную эрудицию и всю глубину своей мысли. Все его политические сочинения свидетельствуют о богатстве его знаний по политической истории передовых народов и о законченной продуманности его основных предпосылок» [14, с. XI-XII; о влиянии занятий античной историей на становление общенаучных взглядов и методов Драгоманова см. особенно: [32, с. 46-54].

Для нас, таким образом, задача этой статьи состоит в том, чтобы исследовать сам процесс становления Драгоманова как антиковеда в его гимназический период.

Для формирования личности чрезвычайно важны условия этого формирования, и, несмотря на всю общность утверждения Джеймса Локка о том, что нет врожденных идей (no innate principles), и человек – это продукт окружающей среды [см. сомнения Плеханова по поводу этого тезиса Локка и его развития у французских материалистов, хотя и в более широком контексте: 26, с. 13], мы его, в целом, принимаем. И в самом деле, «среда детства» [см. особенно: 34, с. 16 со ссылками на: 13; 20] очень часто бывает определяющей для формирования личности, и весь жизненный путь человека начинается с его первой «тропинки

©© Лагодзинский В.В., 2014 г.

за окном»… Особенно характерно это для второй половины XIX в., когда гуманитарная составляющая в системе образования и воспитания привилегированных слоев общества в Российской империи все более усиливалась. Михаил Петрович Драгоманов, безусловно, также принадлежал к этим слоям. Не вдаваясь в детальный анализ его биографии [о ней см. особенно: 22, с. 38-64; 2, с. 61-66; 7, с. 65-69], охарактеризуем первые вехи, которые могут быть важными для раскрытия нашей темы.

Родился М. П. Драгоманов 18 сентября 1841 г. в Гадяче. Род Драгомановых восходил к казацкой старшине. Один из его предков, грек по происхождению, был переводчиком, драгоманом в войске Богдана Хмельницкого [22, с. 38-64; 33, с. 70.], а один из дядьев, Я. А. Драгоманов, принимал участие в декабристском восстании, писал стихи [12, с. 4-5; ср.: 11, с. 182-183], посвящая их «… моему гению – Греции» [детально о нем см.: 1, с. 561-570]. Отец же, закончив привилегированное училище правоведения в Петербурге, по неизвестным причинам перебрался в Гадяч [13, с. 8; 23, с. 401-407; 7, с. 65-69].

Несколько противоречивыми кажутся годы учебы в Гадячском уездном училище: с одной стороны отмечается неприметность последнего [21, с. 607], с другой – что там у него были хорошие педагоги [31, с. 11].

Еще более противоречивыми кажутся годы его учебы в Полтавской гимназии (1853-1859 гг.), с ее, как отмечается, «в целом рутинными порядками» [21, с. 607], которые, однако, не помешали гимназисту приобрести надлежащее образование.: «... Полтавская гимназия, – считает Олена Пчилка, – дала юноше много (хотя и была она школой тех давних времен, далекой от идеала и по методам обучения, и по обычаям педагогическим вообще)» [22, с. 428]. Такой вывод делается, очевидно, из-за известного инцидента, едва не обернувшегося для Драгоманова исключением его из гимназии [см. особенно: 22, с. 430-435; 7, 65-69].

Однако у самого Михаила Петровича впечатления о гимназических годах были сложнее. Едва ли не заметнее всего это проявляется в его автобиографическом очерке «Два учителя», где он в качестве пролога пишет: «Уже несколько лет назад написал я для «Народа» эти воспоминания, но колебался посылать их в редакцию, не видя в них достаточно «политического» материала, особенно в первом. И вот недавно разговаривал я с одним украинцем о текущем состоянии гимназий в России и услышал от него, какие совсем холодные и даже часто враждебные там теперь отношения между учениками и учителями, и вспомнились мне образы моих двух учителей, из которых первый служил даже в «николаевские» времена, а умел так гуманно, так тепло жить с учениками и поднимать их интеллект и мораль. Контраст между моими воспоминаниями о двух учителях и рассказами недавнего знакомого поддали мне «политических» мотивов послать мои воспоминания в редакцию «Народа» [15, с. 575]. И далее: «Не для того только я должен их вспомнить, что сам я лично благодарен им более, чем кому-либо из всех людей, кроме отца моего, за то добро, которое они сделали для моей души. Нет, это люди, что каждый по-своему послужили к нравственному воспитанию целого ряда поколений в Полтавщине, а через то и всей нашей стране» [15, с. 575].

Первый из этих двух учителей был Казимир Осипович Полевич, о котором Драгоманов вспоминает с чрезвычайной теплотою. Поляк по происхождению, аскет по образу жизни, блестящий педагог, он всю свою жизнь, по мнению Драгоманова, положил «на учеников, на то, чтобы научить их латыни». Его педагогическая деятельность в Полтавской гимназии обусловила надлежащую филологическую подготовку выпускников, становились студентами лучших университетов Российской империи, в том числе и слависта, этнографа, мифолога, фольклориста и библиофила – Александра Александровича Котляревского, «украинца по происхождению, который ассоциируется обычно исключительно с русской культурой» [19, с. 58-59]. Последний закончил Полтавскую гимназию в 1853 году – году, в котором в нее поступил Михаил Драгоманов.

Интересной представляется оценка уже поздним Драгомановым, с точки зрения пройденного им пути, преподавания классических языков в гимназиях времен его детства: «В те времена, – вспоминает он, – не было в России теперешнего классицизма». В примечаниях Мищука и Шандры к этим словам Драгоманова его комментаторы пишут: «Здесь речь идет об изменениях в гимназическом образовании, когда по решению нового министра народного

просвещения Д. Толстого «мужиконенависника» (Драгоманов) «Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения» (1874) начал отводить 45% учебного времени на греческий и латинский языки. Министр утверждал: «Еще шесть лет латыни – и вы увидите, как угомонится ваша молодежь» [21, с. 576; детальнее о гимназическом образовании в Росси см. особенно: 3; 17; 28; 35]. Ученики до 4-го класса не знали ни греков, ни латинян, а с 4-го делились: одни плыли на классицизм, другие – на законоведение. После 1848 г. до царя Николая дошел слух, что в Западной Европе консерваторы жалуются, что классические студии ведут к республиканизму и социализму (об этом есть курьезный трактат Бастия «Le Bacchalaureat et le socialisme»), и он изгнал греку почти из всех гимназий, заменив ее натуральной историей. Полтавская гимназия осталась при одной только латыни, вместо которой, как сказано, ученики могли выбирать законоведение. Законоведам, в конце концов, не трудно было добраться до университета, потому что их принимали туда с обязанностью через год держать экзамен по латыни, очень легкий» [15, с. 576].

В этих условиях Полевич, хоть и любил больше древнегреческий язык и даже в частном порядке читал его в Полтаве для всех желающих, преподавал исключительно язык латинский. Читал он его блестяще, по собственной методике, как не читали ее в дальнейшем даже в Киевском университете: «все шло во славу латыни, – вспоминает Драгоманов непринужденное общение гимназистов со своим учителем, – которую наши «полтавчане» в университетах, при профессорах-схоластах из немецких «гуманистов» 3-го сорта, только забывали после гимназии. О себе скажу, что, поступив в университет киевский, я пошел несколько раз на лекции профессора латыни Деллена, который написал по-своему неплохой труд «Beitraege zur Kritik der Satyren des Juvenalis» [35], я увидел, что мне там после Полевича абсолютно нечему учиться [ср. к этому иную оценку Деллена: 4, с. 97], и когда в конце моего курса взялся за римскую историю, то просто пошел дальше от того, что делал с Полевичем, и не раз, и не два приходили мне на выручку воспоминания «латинских чаев» в Полтаве» [15, с. 578].

Собственная методика Полевича заключалась, как это можно понять из воспоминаний Драгоманова, в «не-схоластическом» изучении грамматики – т. е. в чтении и комментировании классических авторов, при четырех лекциях в неделю с четвертого по седьмой классы гимназии включительно, с приглашением лучших учеников на квартиру, на уже упоминавшиеся «латинские чаи».

Результатом такого обучения было то, что, по воспоминаниям Драгоманова, уже в первый год обучения читали и переводили Корнелия Непота, Саллюстия и Овидия, а под конец курса «... в 7 классе 2-4 человека читали Тацита, большинство Горация, меньшинство Ливия. И читали не какие-то кусочки, а целые книги, часто целые произведения, читали не для самого упражнения в грамматике, а для текста, смаковали картины, идеи. Помню, например, как энтуазировался я, читая у Саллюстия кандидатскую речь Кая Мария, а в ней слова: fortissimum quemque generosissimum и т. д. Хорошо, – иронизирует далее Драгоманов, – что царь Николай не знал о моем экстазе, а то б и латынь выгнал из гимназий!» [15, с. 578].

Приведенные слова Гай Марий (homo novus, «человек новый», «выскочка» с точки зрения римской знати) произносит перед солдатами, обвиняя римскую аристократическую элиту в коррупции, низости и подлости: «Contemnunt novitatem meam; ego illorum ignaviam: mihi fortuna, illis probra obiectantur. Quamquam ego naturam unam et communem omnium existimo sed ***fortissimum quemque generosissimum***» – «Мне бросают в лицо мое происхождение, я им – их подлости. Впрочем, я полагаю, что все люди – одинакового происхождения, но ***все храбрейшие – они и самые благородные***» (Sall. de Bell. Iugurt. – LXXXV, 10-15).

Этот пример, упомянутый Драгомановым, и в самом деле яркий. Он хорошо иллюстрирует моральные и социально-политические предпочтения юноши, общую атмосферу, которая должна была господствовать на уроках латинского языка у Полевича.

Забегая вперед, заметим, что Полевич приобщится к обучению своего ученика и в Киеве, где он будет помогать «полтавцам» осваивать древнегреческий язык: «Полевич, – вспоминает Драгоманов, – взялся учить нас греческому языку, который преподавался у нас в университете еще ничтожнее, чем латинский, профессором-немцем и его адъюнктом-украинцем, большим полиглотом, который, однако, услышал от меня с удивлением, что литовский язык, который он

выучил, арийский (incredibile memoratu). Мы, студенты-филологи, конечно, подпрыгнули от радости, когда Полевич предложил нам учиться у него греческому языку, и Полевич, повторив с нами элементы грамматики, посадил нас за Гомера, а затем за Софокла, вырабатывая для нас специальные лексиконы тех пьес, что мы читали с ним. Каждый из нас старался получить особое издание читаемого автора с комментариями, отчего наши лекции получали специальный интерес, а после лекций за чаем ... шли разговоры классические и не классические» [15, с. 579].

Можем, таким образом, с уверенностью сказать, что занятия латынью в Полтавской гимназии не только сделали возможным в дальнейшем становление Драгоманова как антиковеда, но и значительно повлияли на формирование его мировоззрения, его общественно-политических убеждений.

Другим учителем – героем воспоминаний Драгоманова – стал учитель истории Александр Иванович Стронин (1826-1889 гг.). В отличие от Полевича, который записывал свои методические советы к латинским текстам, раздавал их своим ученикам и даже намеревался свои труды опубликовать [15, с. 579-580], Стронин стал известным не только как учитель видных деятелей украинской культуры (кроме Драгоманова, у него учились Н. Лысенко и М. Старицкий), но и как историк, просветитель, общественный деятель, автор «Народной энциклопедии», социолог и даже политолог [4, с. 96]. Благодаря последним характеристикам Стронин и сегодня остается в числе постоянно исследуемых личностей второй половины XIX в. [см., напр.: 21; 31].

Сам Драгоманов в своих воспоминаниях связывает свое «историелюбство» с влиянием отца, «который любил читать исторические книги» [15; 22, с. 42]. Еще обучаясь в Гадячском училище, М. Драгоманов «прочитал немало исторических книг, в том числе дважды «Историю государства Российского» Карамзина» [15, с. 580].

Следует, однако, заметить, что уже потом, работая над курсами по всемирной истории в университете Святого Владимира, он будет сетовать над ограниченностью выбора исторической литературы. Еще хуже была ситуация в его детские и гимназические годы [15, с. 580]. Сошлемся здесь на оценки современника – автора «Петербургских очерков», немецкого писателя Эдуарда Пельца, один из которых напечатал в русском переводе и прокомментировал А. И. Рейтблат [25, с. 58-86], а также на исследование самого А. Рейтблата о круге чтения в Российской империи девятнадцатого века [27, с. 30-35]. В своем обозрении книг по истории, которые были напечатаны в Российской империи за 1835-1837 гг., Э. Пельц констатирует: «… тот, кому хотелось бы найти в этих книгах критический взгляд на историю или философичность и даже лишь подлинную правду, поистине предъявил бы к их авторам совершенно несправедливые требования, ибо цензура и прочие обстоятельства устанавливают им слишком узкие пределы, не позволяющие подобной свободы мыслей. Престол по праву требует осмотрительности в тех или иных вопросах; национальная спесь не терпит хулы, а национальные предрассудки надобно в конце концов щадить! Стало быть, если случайно обнаруживаются сносные хроники и хронисты, к числу коих, пожалуй, можно отнести Карамзина, то следует вполне удовлетвориться этим» [25, с. 59].

В Полтавской гимназии Драгоманова постигло разочарование: его «историелюбство» не нашло отклика в учителя Сорокина, который учил истории древнего Востока «по методу … «отселе и доселе» без всяких разговоров» [15, с. 569].

Справедливости ради следует здесь все же сказать, что обучение истории в третьем классе гимназии, несмотря на довольно ироническое его восприятие самим Драгомановым, несомненно повлияло на его «историелюбство» хотя бы тем, что не возбудило отвращения к истории вообще и к древней истории в том числе. Напротив, как будет вспоминать он в своих воспоминаниях, «... репутация историка была причиной того, что товарищи возложили на меня обязанность написать хронологии для кафедры, а иногда и для рукавного употребления. Благодаря этому я отвечал Сорокину без ошибки о всяких Априасах и Циаскарах ...» [15, с. 563]. Усваивая должным образом весь, по крайней мере, фактический материал, – добавим мы.

В третьем же классе Драгоманов получит надлежащий фундамент для развития своих исторических знаний и на последующие курсы. «Как наступили экзамены, – вспоминает он, – я должен был приготовить несколько хронологий по всему курсу; ученики брали их в рукава или

вкладывали в программы на тот стол, возле которого садились «обдумывать» вызванные, пока один отвечал около учительского стола. Слух о такой функции моей прошел по пансиону, и я получил приказ изготовить такие хронологии и для старших класс. То я делал охотно: раз – из-за того, что получил себе протекцию и немножко даже уважение «старших», которые тогда били «маленьких» ни за что, а второе – из-за того, что это заполнило мое свободное время, которого у меня было много, потому что большую часть науки своего класса я знал еще из уездного училища. Такая функция фабриканта хронологий осталась со мной года три, до «новой эры» в наших гимназиях, и поэтому я заранее изучил все учебники Кайданова (по которому еще учились старшие классы), а затем Смарагдова, особенно вызубрил хронологию так, что старшие иногда играли со мной в такую игру: «Скажи германских императоров с конца через одного» с тем, что за каждую ошибку получишь по кулаку в спину, а как хорошо скажешь, то легонькую, а иногда и нелегонькую «шлепку» по затылку с похвалой: «Молодец, историк!» [15, с. 566].

Nonen est omen, «В имени – судьба»! Шутливое прозвище Драгоманова определяло, даже если он сам того не сознавал, его модель поведения в гимназии, определило весь его жизненный путь. Одобрение гимназическим окружением «исторических функций» Драгоманова утвердило его в своих наклонностях.

Особенно важным для Драгоманова было общение с учеником седьмого класса Бекманом, который впоследствии, уже готовясь к магистерской экзамену по римской истории в университете Святого Владимира, будет сослан в Самарскую губернию в связи с прохождением по «Делу о распространении малороссийской пропаганды» [9, с. 169]. «... Бекман, – вспоминает Драгоманов, – давал мне иногда читать книги, которые брал из учительской библиотеки, между прочим романы Вальтера Скотта, «Илиаду» и «Историю Греции» Джиллиса в русском переводе» [15, с. 562].

По поводу этого, в общем неплохого перевода Джиллиса [8] (кстати говоря, вовсе не немецкого, как ошибочно полагают указанные выше комментаторы Драгоманова [15, прим. 13], а видного английского историка) следует вновь привести оценку Эдуарда Пельца, который, сравнивая состояние издания исторической литературы с юридической, замечает: «Несравненно богаче выглядит отдел истории, который вкупе с географическими штудиями насчитывает 141 сочинение. Выражение “богаче”, однако, здесь уместно лишь отчасти, скорее надлежало бы употребить слово “многочисленнее”; ведь при внимательном рассмотрении оказывается, что именно в отделе истории весьма мало значительных работ. Конечно, среди семнадцати переводов блистают имена таких авторов, как Герен, Гиллис, Капфиг и Мишо; однако ж о том, как обошлись с творениями сих мужей, дабы только получить возможность представить их перед цензурою, и сколь безжалостно выхолостила их затем эта последняя, может судить лишь читатель, способный сравнить переводы с оригиналами. Но совершенно очевидно, как сильно страдает в итоге ценность подобных сочинений!» [25, с. 59].

На Драгоманова, однако, этот перевод произвел сильное впечатление, о чем он сам вспоминает: «В. Скотт тогда не очень меня заинтересовал (это произошло позже), а от Гомера и Джиллиса я совершенно погречился в конечном счете больше на военный лад: делал себе из бумаги шлемы, коня из палок, которые «метал» на взгляд богоравных Пелидов и Атридов» [15, с. 566].

Основой же изучения древней истории в гимназии оставались учебники Кайданова и Смарагдова, по которым учили и Сорокин, и учитель старших классов Михаил Павлович Стеблин-Каменский – сын одного из горячих поборников украинской культуры и друга И. П. Котляревского, на могиле которого он на собственные средства воздвиг памятник [6, с. 461].

Учебник Смарагдова [29] на долгие годы стал базовым для всех средних учебных заведений Российской империи, получил ряд правительственных наград и одновременно, хотя и с критическими оговорками, одобрения не только специалистов, но и широкой общественности. Для иллюстрации последнего характерной кажется оценка этого учебника В. Г. Белинским, который в своей рецензии так его характеризует: «Вот книга, заслуживающая полного внимания публики, утомленной эфемерными явлениями нашей литературы. Это почти первый учебник истории, составленный добросовестно, отчетливо, умно, с знанием дела» [5, с. 429], «Автор очень счастливо осуществил руководившую его мысль и составил очень дельный

учебник для средних классов. Смело можем сказать, что труд г. Смарагдова превосходит все, с такою же целию составленные у нас учебники истории» [5, с. 429], и, наконец: «История Греции и Рима, занимающая, как и должно быть, большую часть учебника, составлена очень хорошо, и без всякого сравнения, как уже и было сказано, со всеми существующими у нас руководствами к преподаванию истории» [5, с. 431].

И хотя влияние этих учителей на Драгоманова оказались, как это следует из воспоминаний последнего, минимальными, его увлечение античностью в гимназии вполне раскрылось:

«В конце концов, – вспоминает Драгоманов, – все более Мих. Павлович и ходить в классы стал совсем редко. А я, не имея никакого совета, взял заново перечитывать Джиллиса и вовсе «сошел с ума на греках», приобщив даже до своего «сумасшествия» и некоторых товарищей, с которыми я много попортил палочек в «перилах» на лестнице и на пансионских окнах, употребляя их как «метательные копья». Кончилось тем, что инспектор (немец) перед каникулами поставил все недостающие палочки на мой счет и потребовал от моего отца что-то рублей 3 – 5, объяснив ему, что это за «метательные копья» – a la grecque. Отец, услышав от меня, что виноваты здесь Гомер Гнедича и Джиллис, только рассмеялся. На каникулах отец дал мне какую-то римскую историю, но в каком-то таком переводе, что я ее не мог читать, то остался при Гомере, с которым скрывался в сарае, там, забравшись в коляску и набив себе карманы сухими сливами и вишнями, закусывал себе ими Пелидов и Атридов. Это было тогда мое высшее «блаженство» [15, с. 580].

Исключение Драгоманова из гимназии стало одновременно и началом университетского периода в процессе становления Драгоманова как личности и ученого. Именно в университете Святого Владимира в полной мере раскроется и склонность юноши к занятиям всемирной историей и ее древним, античным разделом в особенности. Однако сделали возможным такие занятия, как это следует из проведенного здесь исследования, его воспитание в родительском доме и обучение в Полтавской гимназии.

Литература

1. Айзеншток И. - Поэтическая деятельность Я. А. Драгоманова / И. Айзеншток // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 561-570
2. Айзеншток І. - З юнацьких літ М. Драгоманова / І. Айзеншток // Україна, 1929. № 3-4. С. 61-66.
3. Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII-XIX вв) / И Алешинцев. СПб.: Издательство О. Богдановой, 1912. 346 с.
4. Бевз Т. А. - Олександр Стронін та його роль у становленні політичної науки в Україні // Український історичний журнал, 2007. № 5. С. 97.
5. Белинский В. Г. - Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым, учителем истории и географии при Сиротском институте императорского Гатчинского воспитательного дома. Напечатано иждивением С.-Петербургского воспитательного дома. СПб.: Тип. 3-го департамента Министерства государственных имуществ. 1840. 497 с., VII и VIII с. // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. Подготовка текста В. Э. Бограда. М.: Художественная литература, 1976. С. 429.
6. Биографический указатель уроженцев Полтавской губернии (Памятная книжка Полтавской губ. на 1865 и 1866 гг. С. 461.
7. Бужинський М. - До гімназіяльних літ М. П. Драгоманова / М. Бужинський // Україна, 1926. № 2-3. С. 65-69.
8. Гиллис. История древней Греции, поселений и завоеваний оной, от первобытного состояния сей страны, до разделения Македонского государства, содержащая в себе историю словесных наук, философии, изящных художеств: в 8 ч. / Гиллис; пер. с англ. А. Огинского. СПб., 1830-1831;
9. Гуревич П. - Дело о распространении малороссийской пропаганды // Былое: Журнал посвященный истории освободительного движения. Петербург, 1907. № 7 (19). С. 169-175.
10. До гімназіяльних літ М. П. Драгоманова. (Архівні доповнення до споминів О. Пчілки) // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. 1926 Кн. 2-3. С. 65-69.
11. Драгоманов М. - Автобиография М. П. Драгоманова // Былое», 1906, № 6. С. 182-183.

12. Драгоманов М. Австро-руські спомини (1867-1877). Львів, 1889. 456 с.
13. Драгоманов М. П. Автожиттєпис. К.: Либідь, 2009. 444 с.
14. Драгоманов М. П. Политическіе сочиненія. Т. 1. Центр и окраины / М. П. Драгоманов; под ред. И. М. Гревса, Б. А. Кистяковского. Москва.: Типографія Т - ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой дом, 1908. С. XI-XII.
15. Драгоманов М. П. Два учителі // Вибране («...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні») / Упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису Р. С. Міщук; приміт. Р. С. Міщука, В. С. Шандри. К.: Либідь, 1991. С. 575-604.
16. Зеньковский В. В. Психология детства. – Лейпциг, 1924 (переизд.: М., 1996);
17. Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: РГГУ, 2000. 240 с.
18. Кухар В. М. - Основні чинники формування світогляду Михайла Драгоманова у дитячому та шкільному віці / В. М. Кухар. // Ювілейний збірник на пошану Степана Гелея / Відп. редактор Іван Копич, заступник відп. редактора Андрій Сова. Львів, 2011 (Вісник Львівської комерційної академії. Серія – гуманітарні науки. Вип. 10 / Львівська комерційна академія). С. 141-148.
19. Любовець Н. І.- Олександр Олександрович Котляревський: матеріали до біобібліографії // Українська біографістика = Biographistica ukrainica: зб. наук. праць. Вип. 6 / Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського; редкол. Т. І. Ківшар (гол. ред.) та ін. К., 2010. С. 58-59.
20. Маркова А. В. Философия политики А. И. Стронина. Автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03. М., 1994. 23 с.
21. Міщук Р.С. Сторінки великого життя / Драгоманов М.П. Вибране («...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні») / Упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису Р.С. Міщук; Приміт. Р.С. Міщука, В.С. Шандри. К.: Либідь, 1991. 688 с.
22. Олена Пчілка [Косач Ольга]. Спогади про Михайла Драгоманова / Олена Пчілка [Ольга Косач] // Україна. 1926. № 2-3. С. 38-64.
23. Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: Складний світ Агатангела Кримського. 2-е вид. К.: Основи, 2001. 328 с.
24. Павловский И. Ф., Полтавцы: Иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители: Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава, 1914 С. 156-157).
25. Пельц Э. - Литература и литераторы (Перевод главы из книги Э. Пельца (Т. Вельпа) «Petersburger Skizzen», изданной в Лейпциге в 1842 г.) // Новое литературное обозрение. М., 1999. С. 58-86.
26. Плеханов Г. В. (Н. Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 13.
27. Рейтблат А. И. - Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи // Новое литературное обозрение. М., 2001. С. 30-35.
28. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802-1902 гг./ С В Рождественский. СПб.: Изд-во МНП, 1902. 785 с.
29. Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведениий, сочиненное С. Смарагдовым, учителем истории и географии при Сиротском институте императорского Гатчинского воспитательного дома. Напечатано иждивением С.-Петербургского воспитательного дома. СПб.: Тип. 3-го департамента Министерства государственных имуществ. 1840. 497 с., VII и VIII с.
30. Симонова Е. В. Социологическая концепция А. И. Стронина: Автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. СПб., 2006. 22 с.;
31. Сич О. І. Громадсько-культурна та педагогічна діяльність М.П. Драгоманова. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. К., 2010.
32. Ставнюк В. В. - Роль античних студій у формуванні історико-філософських поглядів Михайла Драгоманова // Український історичний журнал. 1998. № 6. С. 46-54.
33. Терентьєва Наталія, Балабанов Костянтин. Греки в Україні: історія та сучасність. Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. К.: Аквілон-Плюс, 2008. Ч. І.
34. Ульяновський В. - Панчук О. Микола Петров: портрет у часовій перспективі та різних інтер'єрах // Петров Микола. Скрижалі пам'яті / Упоряд. В. Ульяновський, І. Карсим. К.: Либідь, 2003. С. 5-67.
35. Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des D. Jun. Juvenalis / von Alex. Ludw. Döllen / Kiew: Universitäts-Druckerei, 1846. – 426 + VIII s.